Ирина Нуар

Антология случайностей

Избранное

Ирина Нуар
Антология случайностей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17191611
ISBN 9785447449582

Аннотация

Когда чувствам становится тесно в груди, они «выплескиваются» на бумагу. Проза и стихи переплетаются воедино, рассказывая историю случайной встречи двоих в суете большого города. Возможно, для полной картины происходящего в книге не хватает мужского взгляда. А может быть, я ошибаюсь?

Содержание

Я знаю	8
«У бессонницы моей его улыбка», —…»	9
Благословляю я случайности	10
И губ твоих желать	11
Они взлетали, прикоснувшись лишь дыханием	12
Губами смелыми шепчу в твою ладонь	14
Желанное	15
Известно, сердцем видишь глубже	17
О, время	18
«Вдруг губы тронули плечо…»	19
Открывая сердце – отдала	20
«Приют моей души…»	21
Мы друг у друга светлым продолжением	22
Верь мне	23
Неизменное «мы» – ты и я	25
К нежности приговори	26
Люби, любимый мой	27
Февраль притронется к мечте	29
«Колыбель желанных рук…»	30
«Любима. Тобой…»	31
И найти утешенье в тебе	32
Ты мне веришь, весна?	33
Она «устроена» иначе	34

«В тебя мне окунуться —…» 35
«Твой вкус…» 36
Не пишу слово «было» 37
«Счастлива, что ты есть —…» 39
Дай ему веры 40
Я забираю твою боль 41
Сто часов вдвоем 43
Мне тебя исключительно мало 44
«А в воздухе разлит благословенный август…» 45
Она 46
Реальность вещих снов 47
Ты повторяешься во мне 48
Где-то там 49
«Как ты там без тепла, без намека на веру?» 51
«Научилась без тебя —…» 53
В холодном сердце ноября 55
Сила мысли 57
Предисловие 60
Пролог 61
1 63
2 66
3 69
4 72
5 75
6 78
7 81

Антология случайностей
Избранное
Ирина Нуар

© Ирина Нуар, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Ты там, внутри, такой… глубокий, непростой, – она задумалась, подбирая эпитеты, чтобы описать то, каким она видит его внутренний мир. – Многогранный?.. Не то… сейчас…

– Как кубик Рубика? – ему, видимо, понравилась идея про многогранность.

– Нет, кубик слишком прямолинеен, – она понимала, что именно пытается сказать, но не могла облечь это в подходящие слова. – Скорее, как некая многослойная сфера, проявляющая себя в нескольких измерениях одновременно. И чем глубже я проникаю, тем более открывается для меня, как завораживающе интересен ты.

– Игрушка на всю жизнь… – произнёс он, и ей показалось, что в его интонации присутствовали и вопрос и утверждение.

«На всю жизнь», – словно отозвалось внутри, и желание быть с ним именно столько завладело ею. Она промолчала

в ответ, лишь внезапный румянец на щеках выдавал её состояние.

Я знаю

И пусть октябрь, бесчинствуя, безумствует
и накрывает город ливнями,
и сковывает лужи дерзким холодом,
и «плачет» пусть поземкою листва.
И пусть нередко между нами по прямой
бывает два десятка взмахов крыльев, и
бетон многоэтажек, светофоры,
чужих знакомых силуэты… иногда.
И пусть ни писем, ни звонков,
и общих фото нет – еще не сделали,
и пусть блаженством наивысшим —
моя ладонь в твоей…
всего на нескольких минут.
Но, если ты идешь ко мне,
отодвигая неких обстоятельств стены, мы —
закономерно вместе,
и я чувствую, я знаю, что нужна тебе.
Я жду.

«У бессонницы моей его улыбка», —…»

«У бессонницы моей его улыбка», —
я рассказываю вишням под окном.
Наполняет ночь волнующая скрипка,
сновиденья оставляя на потом.
И не скрыть в глазах счастливых и зеленых
светлой нежности – с тобой мне хорошо.
«Он умеет удивлять», – доверюсь клёнам,
его профиль выводя карандашом.

Не читаю по руке узорных линий,
не гадаю в звёздном небе о судьбе.
«У бессонницы моей – мужское имя», —
я когда-нибудь признаюсь и тебе.

Благословляю я случайности

Крутой зигзаг по воле случая
поправил жизни колею.
Мной роль ни разу не озвучена,
но я ночами мало сплю:
душа то скрипкой льётся трепетно,
то каплей – нежно по стеклу.
Нас познакомил утром ветреным
в ладонь упавший поцелуй,
и мы – кругами по излучине
до траектории двоих.

Закономерность не получена
для поведенья тех кривых.

Благословляю я случайности,
с их бесконечностью щедрот
за неизбежную встречаемость
в твой не предсказанный приход!

И губ твоих желать

Перекрою иначе временную гладь —
без разминувшихся двоих,
без «знаков препинаний»
там, где хочется летать,
где дирижирует душа синкопами дыханья.
Я непременно изменю и снова, и опять,
прямые строчки – исключением из правил,
и, потакая неминуемой потребности мечтать,
раскрашу будни целомудренными снами.
Перерисую скучные узоры в благодать!
В порыве безусловном нашими «играя» именами,
хочу минуту каждую я счастьем заполнять,
и губ твоих,
как колыбель ещё не сказанных признаний,
желать.

Они взлетали, прикоснувшись лишь дыханием

Она не знала, не догадывалась, не предполагала,
что станет будничная жизнь на удивление щедра,
что настоящее начнет кроить сюжет не по лекалу,
когда ладони нежно-нежно поцелуются с утра.

Она не знала…
Но все чаще – шелест крыльев за спиною,
и тонкий вкус его улыбки —
в продолженье чудо-сна.
…Возникло робко, но всерьёз —
такое светлое, земное,
заворожило, увлекло…

Ему доверилась она.

Скользили пальцы по рукам и выдавали её тайны,
непредсказуемостью тем пьянили взгляды и слова,
а губы ласково о чем – то
очень важном и случайном,
ей в завитки неторопливо «заплетали кружева».

Они взлетали…

Прикоснувшись лишь дыханием друг к другу,
легко парили над условностями взрослого мирка.
Вдруг странным эхом «взорвалась»
вполне житейская разлука,
как аритмия двух сердец
синхронно:

– Близок!
– Дорога!

И у неё над головой —
к зонту неласковые струи.
И мокрый город каждый день —
сеансом скучного кино.

«Благодарю тот самый миг,
в котором мы не разминулись», —
как будто заповедь твердит она в холодное окно.

Как откровенье —
глубина вдвоём пригубленного чувства,
как волшебство —
непреходящее душевное тепло.
Стихами просятся в сентябрь
её мечты с оттенком грусти:
она, влюбленная, творит, листая время до него.

Губами смелыми шепчу в твою ладонь

Октябрь пришел по золоту берёз
в седом тумане. И, казалось бы, погода
«расстроилась» надолго и всерьёз.
Нелётная? Быть может, для кого-то,
а у меня, парящей в небесах, сбылось:
звучат негромкой и нежнейшей нотой
прикосновения… Желанный непокой…
Как сладко! Обними меня… И снова
в движеньях, взглядах – чувственный огонь,
дыхания взволнованного сполох.

…Губами смелыми шепчу в твою ладонь
только одно таинственное слово…

Желанное

Настигло вдруг – желанное,
в слова не облаченное ни разу нами, и
снимающее тайну с кричащего молчания,
хранимого двоими,
немного робкое и странное,
как будто помешательство, признание
в переполняющем
и требующим выхода взаимном.
И день стал только нашим —
необычно светлым /с твоим именем/,
и опьянял сознанье
влажный запах сладостной истомы,
и руки обладали,
непрерывно выводя ласкающие линии,
и губы, пересохшие от жажды близкого тебя,
дарили стоны…

…А после,
все ещё соединенные телами
/сбившимся дыханием/,
осознавая силу, глубину
и власть душевного проникновения,
мы, в предназначенности нас,
необратимо, нежно таяли

и трепетно благодарили жизнь
за обретенные мгновения.

Известно, сердцем видишь глубже

«Нет на земле второго Вас»
М. И. Цветаева

«Нет на земле второго Вас».
Звучит слегка высокопарно?
Под томный звук струны гитарной,
мне кажется, что в самый раз.
Известно, сердцем видишь глубже —
«Нет на земле второго Вас».
И нежность – капелькой из глаз.

Ты просто дорог, просто нужен.

«Нет на земле второго Вас».
Вдохну твой запах близкий – близкий.

То ль госпожой, то ль одалиской
люблю навзрыд, люблю сейчас.

О, время

О, время, как жестоко ты порой —
какие бесконечные минуты,
часы… Ты издеваешься как будто,
этюд «Разлука» превратив своей игрой
в симфонию. Сюиту! Даже небо
не выдержало – льет на землю грусть
с утра и до утра. Пусть наизусть
его красивые черты я знаю, мне бы
секунду – и понежить взглядом взгляд,
лишь миг – слегка обнять его дыханьем.

О, время, я казню тебя стихами!

…Еще немного – скоро свечи догорят,
и, словно воск, истает время между нами.

«Вдруг губы тронули плечо…»

Вдруг губы тронули плечо…
Мечтал? И я, не скрою, тоже.
Вопрос на вдохе – горячо.
На выдохе – ответ… Скользнул по коже,
коснулся… Трепет по спине…
Твой взгляд обнял меня неспешно.
И поцелуй, как в вещем сне,
не страстный, нет, а очень – очень нежный.
Вновь губы тронули…
Люблю!
Как дар… В пространстве наших судеб
я Небо искренне молю
о чуде.

Открывая сердце – отдала

Обнажилась,
словно от порывистых объятий скинув робость.
Открывая сердце – отдала…
В «переплете» женских рук доверчивых тепла —
трепетный неиссякаемый источник, пробуй…

От меня к тебе шальная осень пролегла
кружевом зардевшейся природы,
по глотку смакуя мысли, не слова.

Обнажилась,
словно откровенность между нами —
некой догмой,
волшебством, принадлежащим лишь двоим.
Позволяя ощутить твоей души нежнейший ритм,
стал олицетвореньем сновидений ты,
желанный вдох мой,
явью – из таинственных и чувственных глубин.

…Одарил меня Всевышний многим —
ты любим… любим…

«Приют моей души…»

Приют моей души…
Таинственный и сложный
мир нежности и грёз.
Я рисовала твой портрет
вчера «в карандаше»
дебютом,
и до дрожи
знаком мне этот взгляд —
им не однажды был согрет
мой день.
В мечтах – лишь ты…
Опять с протянутой ладони
струится волшебство.
И нам принадлежит.

…Прижмусь к твоей щеке,
изнемогая, как от боли,
от близости тебя,
приют моей души.

Мы друг у друга светлым продолжением

Не брежу, не схожу с ума я:
во всём твоё присутствие,
почти физически пронзает ощущениями тело —
ты рядом,
и действительность вокруг совсем иная…

Хотя богат ноябрь часами грустными,
не знают наши души
в соприкосновениях пробелов.

Желанной мыслью – в моё утро,
нежной радостью вплетаешься ты в пробуждение.
И губы,
ласково узнавшие твоей доверчивости вкус,
вдруг дрогнут и шепнут «привет»,
как будто
мы друг у друга светлым продолжением
в огромном неслучайном мире чувств.

Верь мне

Перезимуем, верь мне.
Пусть неожиданно декабрь сошел с ума:
метель бунтует и свирепствует,
бросая под ноги колючесть снега.
А ты… ты – рядом,
и звучишь в открытом сердце
утреннею теплой негой,
и остается где то вне-,
вне нас с тобою удивленная зима.
Вне!
Царство холода людского,
недопониманья – жизни проза —
не в нашем мире.
Я обрела себя на взмахе крыльев
близостью с тобой,
и, вопреки календарю, душа томится солнцем,
словно вешнею водой
река,
что вырывается из толщи ледяного плена
виртуозно.

Ты тот,
кто позволяет мне задать любой вопрос/
открыть любую дверь,

причина счастья моего,
мой молчаливый гений, подаривший небо.
В руках твоих я становлюсь Вселенною любви,
от альфы до омеги,
иначе говоря – обыкновенной женщиной…
Ты верь мне, только верь.

Неизменное «мы» – ты и я

Да, я снова рисую в альбоме заветных желаний.
По наметанным мыслям реальность изящно кроя,
прикасаюсь к листу и «целую» бумагу руками:
штрих, ещё, и ещё… Неизменное «мы» – ты и я.

Да, успела соскучиться очень /обычное дело/ —
снегопадные «пробки» некстати, когда без тебя.
Взгляды, губы, объятия – и непростительно смело
карандаш повторяет сюжетный мотив декабря.

Да, звоню без причины я —
голос твой просто услышать
/и волнуюсь,
и всё не решаюсь про планы спросить/.
На рисунке моём этот вечер свиданием «вышит»
/Вьётся предощущеньем тебя предсказания нить/.

К нежности приговори

Подари мне минуты
неизбежности прикосновений,
не к пылающей страсти, а к нежности приговори.
…Шаг за шагом… всё ближе…
Март проснется дыханьем весеннем
за окном, приводя к сумасшествию календари.
Ты позволь раствориться во взгляде,
и вновь в бесконечность
тихой искренности и тепла ты меня забери.
Подари мне возможность
целовать твои сильные плечи,
и мгновенья тебя, как частицу души, подари.

Люби, любимый мой

Люби меня…
Уже мы встретились, и значит – можно
быть верным собственной свободе.
Вопреки другим.
Случайность? —
да, закономерность воли высшей —
Божьей —
найти друг друга лишь прикосновением руки.

И обострились чувства, словно я прозрела…

Слышишь? – сейчас люби,
здесь,
в настоящем,
наяву.

Стучат сердца один в один, и время жадно пишет
в трактат судьбы о нас с тобой особую главу.

Люби —
дано во имя и для жизни /вдруг, однажды?/
всесильное начало,
чудо,
суть души самой…

Уже мы встретились,
и значит – «наше» в шаге каждом
фрагментом вечной истины.

Люби, любимый мой.

Февраль притронется к мечте

Февраль отмерил половину…
Неуютная прохлада
витает в воздухе сыром —
дыханьем греешь руки мне.
А дома красного вина нальешь…
совсем немного. Ладан
заманит в негу наших чувств…
– Согрелась?
– Да.
И в глубине
тебя, меня, сбивая пульс,
звучит всесильное, живое.
Всепоглощающе двоих сольют объятия в одно…
– О чем задумалась?
– Хочу, чтоб нас однажды стало трое.

/Февраль «притронется» к мечте
сквозь приоткрытое окно/.

«Колыбель желанных рук…»

Колыбель желанных рук…
Пальцы ласково прошепчут
под привычный шум метро,
утомленного за день,
как наивны и чисты неслучайности их встречи.

Календарная весна дышит в пасмурном дожде:
вдох…
ещё…

Глаза в глаза —
мудрой нежности обитель.

Мы всё чувствуем.
Без слов.
Пальцы бережно плетут
объяснение в любви – кружева из прочной нити
сопричастности двоих, замедляя бег минут…

«Любима. Тобой…»

Любима. Тобой.
Не ошиблась ни на миг, ни на йоту.
Весна наполняет город наших желаний.
Небесной водой
смывает границы возможного
Всё-Понимающий-Кто-то.

А много ли женщине надо?

«Любима тобой», —
произносится, словно слова оберега.
Коснёшься руки, и
от кончиков пальцев пульсирует счастье
/биеньем в висках/.

Вы мне не поверите – вы,
не познавшие—чуда—другие:
а женщине надо для счастья немного —
понять, что близка.

И найти утешенье в тебе

И уснуть у тебя на груди…
И забыть о понятии «время»…
Просто быть.
Легкой поступью дом наполняет в ночи тишина.
Ожиданье знобит,
но ему не в угоду счастливей теперь я —
словно шелковой нитью судьбы,
твоей нежностью оплетена.

Сокровенное… – ты…
И в глазах столько чувства, что я задыхаюсь
глубиной молчаливого «да».
Не сдержусь, обниму.
Не суди.

Нечто высшее —
так обретать, всю себя до конца отдавая,
и найти утешенье в тебе,
и уснуть у тебя на груди.

Ты мне веришь, весна?

Если б ты знала, весна, если б только могла
/пусть на мгновенье/ почувствовать руки его —
властную силу и нежность мужского тепла.
Если б сумела постигнуть /однажды всего/
таинство взгляда. Я снова и снова тону
неумолимо, всерьёз.

Ты мне веришь, весна?

Жизни строка словно шла непременно к нему —
в светлое утро двоих /воплощение сна/.

Не передать, как становится сладко в груди:
росчерк дыхания – жаркой волной по виску.

Если б ты знала!

И лаской прольются стихи,
и волшебством каждый день —
жадных губ его вкус.

Она «устроена» иначе

Она живет.
Она «устроена» иначе,
чем остальное в этом мире. Налегке
она пришла твоим дыханьем по щеке,
закономерность нашей встречи обозначив.
Она живет.
И не зависит от погоды,
от суеты людской, от брошенных камней;
не ропщет, а становится нежней
и преданнее… моде не в угоду.
Она не требует, в истерике не плачет,
лишь безусловно предлагает в дар себя.

Сердечных ритмов наших светлое дитя,
она – любовь.
Она «устроена» иначе.

«В тебя мне окунуться —…»

В тебя мне окунуться —
в неповторимость серых глаз,
едва успев дотронуться на вдохе ли, на взлёте.
Терять себя внезапно и случайно снова в нас
на миг,
или на день,
или… /кто знает?/
В переплёте
оправданных желаний,
твоих красивых сильных рук
раскрыться, расцвести ещё —
доверчиво и смело,
познать /в который раз/ соединенность,
и к утру
забыться, повторяя силуэт мужского тела.

«Твой вкус…»

Твой вкус
немного терпкий, чуть с горчинкой, стойкий…
/Как моя вера в невозможное/.
Могла ли знать я,
что станешь ты необходим душе настолько?

Открыто сердце для тепла твоих объятий.

Твой вкус…
губами прихотям опять внимаю.
Могла ли догадаться о физической и острой
потребности тебя – в моей весне?

…Я таю,
в порыве нежности рукой терзая простынь…

Хочу с тобой…
Хочу и чаще, и реальней,
чем есть.
Сошлось всё на тебе тем самым светлым клином.
Твой вкус —
желанный /приоткрою эту тайну/,
немного терпкий, чуть с горчинкой и любимый.

Не пишу слово «было»

Я себе обещала, что не буду писать слово «было»
ни в тетради с пометкой «тебе»,
ни в стихах,
ни в душе.
И которые сутки неподвластная разуму сила
не дает мне сойти,
держит здесь, на шальном вираже.

Я пытаюсь…
Проснуться б с утра так, как будто родиться:
первый день – чистый лист,
и дорога приятно легка.
Но, сметая с пути моего чьи-то встречные лица,
ты —
в сегодня, в сейчас до ужасной ломоты в висках.

Не забыть, не оставить,
словно связаны, есть, в настоящем.
Рук немой переплёт /сны исправно являют тебя/.
Или ты у меня, или я – некий душеприказчик.
Как мне в ноль превратить наше «мы»?
Только сердце дробя?

Как исчезнуть заставить ту,

что щедро дала эти крылья?
И законно ли – так
/дар Небесный/ топорно, с плеча?
Знаешь, это Она —
неразрывна, светла и всесильна.
Ещё дышит, жива.
Ещё теплится встречи свеча.

«Счастлива, что ты есть —…»

Счастлива, что ты есть —
шальным апрельским снегом,
жаждой полёта и ощущением неба,
стремительным и шумным «дыханием» метро,
завидной уместностью скупых мужских острот,
в восторженность детства нашим побегом,
эпистолярным трогательным женским бредом,
что в письмах к тебе,
возможно, где-то между строк.

Счастлива, что ты есть —
лаской во взгляде беглом,
в доверчивых ладонях – поцелуя следом
и десятками эскизов карандашных про…,
запахом волос твоих, тронутых «серебром»
и внезапно блуждающей по телу негой,
сном желанным, любви созидающим светом
и смелой верой в то,
что возможно всё… в свой срок.

Счастлива, что ты есть.

Дай ему веры

Господи,
дай ему силы пройти этот трудный отрезок,
не поступившись свободой жить по веленью души.
Ты проведи его через переплетенные дерзко
псевдо- и лже-аксиомы, сонма сомнений лишив.
Стань исцеляющим светом —
бальзамом для ноющих ссадин.
…Дорог он мне – бесконечно…

Вновь зажигаю свечу —
Господи,
дай ему веры, счастья обычного ради,
в шёпот сердечного стука о безусловности чувств.

Я забираю твою боль

Тепла…
так хочется тепла…
Внезапной лаской губ
украсть тебя у суеты недельных буден,
освободив банально от одежды
и вопросов лишних,
усталость снять
неробкою прелюдией прикосновений.
Скажи, ты «за»?
В ответ желание предательски «взовьётся»
пульсом взбудораженным в височной вене,
«исчезнет» время,
и станешь ты ещё податливо нежнее
от того, что непристойно безрассуден.

Я «пропаду»,
прижавшись,
обнаженная и откровенно жаждущая
не столько этой близости с тобой,
как той, что окрыляет
и добровольно подчиняет лишь одному.

Ты надо мною часто безраздельно властен.

Так хочется тепла, тебя.
А после душа твои плечи пахнут зеленью вербены
и тихим счастьем.
Быть может, вопреки кому – то,
может, и поссорившись с судьбой,
я каждым поцелуем «забираю твою боль».

Сто часов вдвоем

Вот и дожди… сезон непроходимых тротуаров,
запотевших стёкол, и «проснувшихся» зонтов;
и поцелуи наших рук
под мокрым пестрым куполом
всё неизбежнее венчают встречи.
Томленье душ
переплетается с томлением молоденькой весны
в витиеватости моих стихов,
и, жадно впитывая близкого тебя,
я расправляю крылья и взлетаю легче, легче…

Не говори, в слова не заключай гармонию минут,
ты лишь дыханием войди в меня опять.
Отдавшись безусловному порыву /нет, не тел/,
останься в утреннем молчанье тих и светел —
я слышу /сердцем/.
Я готова и хочу
так бесконечно много в этой жизни
от тебя ещё принять…

Мы оба понимаем —
сто часов вдвоем тождественны мгновенью…
или череде столетий.

Мне тебя исключительно мало

Я и без слов твоих понимаю, что вне нормы,
что странная и другая,
не похожа на тех, которые тебя любили,
разлюбили,
были и есть,
и по-детски наивно,
и по-женски несносно себя предлагая,
ролей не играю /ты способен меня, как с листа,
удивительно «чисто» прочесть/.
Мне тебя исключительно мало.
Катастрофически!
И, как правило,
сердце рвется за рамки разумного мира
не без причины:
я за стеклами офиса,
словно рыба в закрытом и тёмном аквариуме,
задыхаюсь без воздуха
/без дозы физической близости
конкретного мужчины/.

«А в воздухе разлит благословенный август…»

А в воздухе разлит благословенный август,
и закат
спускается на плечи мне ладонями твоими.
Схлестнувшиеся судьбы – наша данность:
бег назад
законно невозможен.
Заполняет снова имя
всё сердце, целиком —
звучит квартет любимых букв,
и мысли продолжают танцевать
/обнявшись/ румбу,
и августом – тобой —
самозабвенно «дышит» мир вокруг,
и чем-то очень близким
/счастьем?/
пахнут твои губы…

Она

Она, лишенная боязни не успеть,
вдруг оступиться где-то, в чем-то ошибаться,
писать всё набело, и быть, а не казаться,
опять вгрызаясь в обстоятельств злую твердь,
несет в груди тепло доверчивого сердца.
Она, лишенная болезни «стать как все»,
идет по чёрной, как по взлётной полосе.
Сродни бесстрашию и мудрости младенца
её уменье сеять жизнь сквозь «хорошо»
и видеть в каждом дне земную благодать.
Щедра в желании любить и отдавать,
она, лишенная боязни жить душой.

Реальность вещих снов

А что есть расстоянье для души? —
лишь несколько слогов.
Пусть небо, переполненное нежностью моей,
истому сбросит
сентябрьским дождем…
Ты присмотрись /мой Бог!/:
на лобовом стекле
рисуют капли нас двоих и в эту осень.

Желание —
в движении руки,
дыханье вместо слов.
Опять /в неподражаемой манере/
твои губы едва дрогнут,
предчувствуя меня.

Реальность вещих снов.
Примета близкой осени.
Предвестник нашей близости.
Объятий омут…

Ты повторяешься во мне

Всё повторяется.
Ты видишь? —
берёзы наши сбрасывают «золото» с ветвей,
порывисто дождём
октябрь смешивает уличные краски.
Спираль событий,
чередуя дни и ночи беспристрастно,
приводит в осень нас:
«глоток» внезапности свиданья,
как горячительный глинтвейн.

И снова третье
/пережито/пересказано в стихах неоднократно
мною/…
«Раскрашиваю» чувствами ещё один портрет —
с днём ангела тебя.

Ты слышишь?

Со вседозволенною щедростью,
дарованною свыше,
ты повторяешься во мне —
твореньями/благословенною ценою.

Где-то там

Серо.
Сыро.
Хочется забыться в теплом пледе.
Может осень обострилась,
может дикая тоска
по присутствию тебя?

Безмолвием ответит
одиноко падающий рваный лист.
А свысока
Некто мудрый ласково обнимет и прошепчет
мне знакомое /и вечное/ про замок из песка,
про «святую» эфемерность клятв мужчин
и женщин,
что в обнимку с поцелуями «стекают» с языка…

Я блуждаю где-то там,
где в пальцах твоих
дрожью
не впервые отзывается желание снискать
танец женских губ…
там, где за гранью «невозможно»
резонансно стонет пульс
в соприкоснувшихся висках,

там, где время не казнит,
не ставит нам условий,
позволяя ощутить полёт…

где веры гладь чиста…

где любовь живёт в душе,
в душе живёт! – не в слове,
там,
где хочется благодарить, склонившись у Креста.

…Снова холст небесный сер.
Ноябрь словно плачет:
пеленой дождливой осень просится в окно, тиха…
Может, утром станет всё светлее,
всё иначе,
от прикосновенья к твоим снам дыхания стиха?

«Как ты там без тепла, без намека на веру?»

Как ты там без тепла, без намека на веру?
Ночами
плачет в доме твоем все еще запоздалая вьюга?
Скудным ль шепотом просит душа пониманья,
крича ли?

Бездорожье…
и топчется жизнь по постылому кругу

Кем ты бродишь в мечтах?
Отдавая усталость постели,
обретаешь покой в пересортице скучных закатов?
Что твоя колыбель – рук /и взглядов/ объятья?

Но, те ли,
о которых ты грезил взахлёб,
пригубивши когда – то?

Перед тем как уйти, затеряться, покинуть орбиту,
оставляя виток нашумевших недель, ты захочешь
малой искры той самой
проигранной нежностью «битвы»,
но споткнешься о камни

своих же «благих» многоточий

«Научилась без тебя —…»

«Если можешь, ты прости меня, пожалуйста,
Вдруг и я тебя когда-нибудь прощу»
Ю. И. Визбор

Научилась без тебя —
бессильна Мания —
вьётся имя паутинкою… чуть – чуть.
Сожаленья нет, печали,
нет желания
прикоснуться на мгновение к плечу.
Догорело…
я надеюсь, безвозвратно стих
тот огонь – с листвой осеннею угас.
И поставлены все точки в каждой повести
о тебе (с губ не попросится «о нас»).
Научилась.
Не хочу строкой ли, вдохом ли —
воплощеньем моей нежности обнять
силуэт твой.
Эпилогом – эхо шепота:
«Мне не падать было больно – не летать».
Изжило…
порвалась нить объятий (плена ли?),
на дне Леты неподвижным камнем твердь —
не способная к открытиям Вселенная,

ты,
кого пыталась отогреть.

В холодном сердце ноября

Я оставляю тебя здесь,
несмелым прихотям не смея
ни потакать, ни присягать.
В скупом на ласку ноябре
я оставляю прежних нас…
Затерты временем мгновенья
прикосновений близких рук.
Лишь сновидения отрез
вуалью чувственной дрожит
на обжигающем ветру,
а страстный след /как странный дар/
недолго прожитого нами
упрямой тенью на стене,
не исчезающей к утру.
Я осень рву на лоскутки,
на эпизоды и, стеная,
я оставляю тебя здесь —
в плену жестокой несвободы,
в твоей кричащей нелюбви!
Навечно ли?
На год?
На час?

…С л у ч а й н о с т ь —

каждому своя непредсказуемая квота…

В холодном сердце ноября
оставлю я безумных нас.

Сила мысли
Новелла

Предисловие

Эта новелла – не первая моя проза, и далеко не первое художественное творение, но на сегодняшний день, пожалуй, именно она наиболее дорога и близка мне. Может быть потому, что строки её, стремительно появляясь на бумаге и следуя за моими мыслями, нередко странным образом предвосхищали реальные события. Может быть потому, что благодаря незатейливой истории «глазами (я бы сказала – сердцем) одной женщины» я опять обрела способность (и возможность) летать.

Пролог

Иди ко мне…
Я в ожиданье долго грезила, не зная
лица и имени.
Душа молила молча.
О тебе ль?
Хочу напиться тихой нежности из омута без дна, и
безоговорочно отдать себя в объятий колыбель.

Иди ко мне…
Какой бы странной не казалась эта осень,
одна дорога на двоих —
пролог в судьбы чистовике.
Пусть проза жизненных признаний будет позже,
после…
После.
Одно молчанье на двоих идти позволит налегке.

А листья парами летят
в последнем танго нам под ноги,
в «хрустальном воздухе» дрожит,
как отзвук тысячи шагов,
повествование о нас – о том случайном.
Главном…
Многом…

…И белым кружевом с Небес —
благословения покров.

1

Она называла это – «молчаливый роман незнакомцев». Почти четыре года они добирались на работу одним и тем же маршрутом от конечной станции метро: два – три раза в неделю мельком замечали друг друга в разных концах автобуса или маршрутного такси, практически никогда не встречаясь взглядами. До сегодняшнего утра.

Войдя в автобус, она сразу увидела его и привычно заняла место у заднего стекла. Пассажиров было немного, он стоял чуть впереди, вполоборота к ней. Слегка коснувшись рукой его плеча, она протянула деньги за проезд: «Будьте добры». Он обернулся и замер на мгновение, словно давно ждал этого, но до конца не верил в реальность происходящего.

…Мгновение – сколько это? Им показалось – почти вечность и совсем ничего…

Никогда они ещё не стояли настолько близко. Она неторопливо рассматривала его: ладно скроен, подтянут, аккуратен; шикарные плечи, красивые руки, солидные часы; родинка на шее, ещё одна – на щеке… очки – примерно такие же, как у неё, стильно уложенные после утреннего душа русые волосы. В какой-то момент ей даже показалось, что она уловила аромат его тела. Она всегда была убеждена в существовании невидимой связи между чужими людьми, ко-

торая в определенный час проявится и притянет этих двоих настолько, что сопротивление будет бесполезно. «Послушайте! Ведь, если звезды зажигают – значит – это кому-нибудь нужно?», – почему-то в её голове возникли строки Маяковского.

Автобус резко затормозил, мышцы заиграли на его груди разноцветными полосками тонкой рубашки, он слегка качнулся в её сторону, и она поняла, что ей непреодолимо хочется прикоснуться к нему: осторожно, подушечками пальцев тронуть родинку на шее, повести ладонью по плечу, соскользнуть по изгибу талии… почувствовать тепло его рук…

«А может он предложит мне руку при выходе из автобуса?», – внезапная мысль поразила её неподкупной простотой. Действительно, что может быть невиннее такого вежливого жеста? Она улыбалась одними глазами, рассеянно посматривая в окно и представляя, как приятно вложить свою изящную кисть в его ладонь. Боковым зрением она заметила, что он время от времени пристально смотрит на неё, как будто пытается что-то сказать взглядом. Она повернула голову и глаза их…

– Ты не случайность?
– Конечно.
– Я тебя знаю…
– Быть может.
– Где ты была?
– Шла навстречу.

– Так и должно быть?
– Похоже.

Автобус подъехал к остановке, он отвел взгляд и приготовился выходить. Она последовала за ним. Сердце её колотилось в каждой клеточке тела. А он… он открыто улыбался, галантно помогая ей выйти. Его горячая рука крепко и нежно приняла её прохладную кисть.

«Спасибо», – и она счастливо упорхнула в сторону офиса.

***

«Так себе… сюжет – то», – скажете? И пусть. Для неё это утро стало замечательным.

2

Ей казалось, что цифры в прямоугольнике над фортепиано издеваются, показывая 01:38, сверчок под окном бесцеремонно громко трещит, фонарь светит сегодня чересчур ярко, а градусник просто нагло врёт, что у неё нормальная температура.

Уже третий час она «путешествовала» по немаленькой кровати с боку на бок: убирала подушки, опять брала их, закутывалась в простыню и скидывала её с себя. Мысль о неизбежности новой встречи с ним не давала ей покоя целый день и уже значительную часть ночи, и она чувствовала себя совершенно растерянной, прокручивая в голове их возможные взгляды, фразы, действия. Понимая абсурдность своего поведения, она настойчиво пыталась заснуть. Но как только она закрывала глаза и начинала проваливаться в вязкую негу, перед глазами возникал профиль незнакомца, и ею овладевало такое волнение, что ни о каком сне не могло и быть речи. «Подумаешь, событие. Вежливых мужчин ни разу не видела?», – злилась она на свою неуместную сентиментальность и неуравновешенный романтизм.

02:17 – подмигивали часы.

Перебрав с десяток имен, которые по её мнению, мог бы он носить, она почти физически ощутила горячие объятия

его красивой руки и…

– Доброе утро?
– Бесспорно.
– Пальцы дрожат.
– Я волнуюсь.
– Круг отчуждения…
– …прорван.
– Встретились?
– Не разминулись.

«Что происходит? Почему так? Зачем?», – пульсировало в голове в такт с разделительными точками на часах. Она встала, выпила немного воды и опять легла.

03:30 – симметрично ухмыльнулись зелёные.

«Скоро вставать», – бросила она в сторону стены, не зная уже, хочет ли новой встречи с ним, или боится, но зато она совершенно точно могла сказать, что ни имя, ни возраст, ни остальные социально-статусные составляющие этого мужчины не имели для неё никакого значения…

…Недолгий утренний сон был удивительно приятным и реалистичным.

***

«А-а-а, эти „клубничные“ женские сновидения?» – спросите? Ничего подобного.

Вы когда – нибудь гуляли по теплому дождю… вдвоём… под одним зонтом? Когда руки молчаливо ласкают друг друга, а её локоны иногда как – будто случайно чуть касаются его щеки? Слова не складываются в предложения, а голос звучит немного ниже и глубже? Когда ты – одно сплошное сердце и хочется, чтобы этот дождь никогда не кончился? Тогда вам не понять, чему она улыбалась во сне.

3

«Скользкие улицыыыыы, иномарки целуютсяяяяяя», – в её наушниках звучала Би-2.

«Иномарки цеееe-луууу-ют-сяяяяяяяяя», – мечтательно повторила она и сделала громче.

Ещё один день закончился, она стояла в прохладном метро и ждала электричку. Отведя взгляд от экрана смартфона, она внезапно увидела его – упругой, быстрой походкой он шел по станции. Улыбка тронула её губы. Он тоже заметил незнакомку, поздоровался кивком головы и прошел чуть дальше неё. Их разделяла пара непринужденно беседующих юношей.

Все семь минут ожидания электрички ей казалось, что где – то в области солнечного сплетения зажглось огромное табло с надписью: «Я очень рада тебе!» Зеркальная поверхность потолка над рельсами позволяла ей видеть, как он стоит прислонившись к стене и повернувшись в её сторону.

Подошла электричка, а они так и стояли в паре метров друг от друга. Потом, как по команде, «разбежались» в разные концы одного и того же вагона, смешавшись с потоком пассажиров, но оказались сидящими напротив. Он тут же прикрыл глаза – то ли от смущения, то ли от растерянности, а она… она с удовольствием принялась рассматривать его:

в запасе было минут двадцать для этого приятного занятия.

Правильные черты его лица, слегка вьющиеся русые волосы, умиротворенная поза занимали её буквально несколько мгновений. «Пожалуй, он чуть моложе, чем я думала», – на этой мысли она «добралась» до его губ. Его губы молчали, но многое говорили… «Иномарки целуютсяяяяяя», – возникло в её голове. Четко очерченные, чуть припухлые, завораживающе красивой формы – она откровенно любовалась ими. «Осторожно, двери закрываются», – голос из динамиков «вырвал» её из объятий созерцания. Следующая – его станция. Незнакомец открыл глаза и перехватил пристальный женский взгляд…

– Ты мне приснилась.
– Я рада.
– В небе парили.
– Две птицы.
– Крыльями взмах…
– … как награда.
– Сбудется?
– И повторится!

…Когда электричка тронулась, она начала искать глазами его силуэт. Он ждал этого. Два взгляда обнялись на мгновение, пока электричка не скрылась в тоннеле.

***

«Ну и что? Сколько таких… метро… в жизни каждого! Эпизод – не больше», – скептически заметите?

«Минуты отмеченыыыыы случайными встречнымиииии-ии, но никто не отвееееетиииит, что ждет впередиииииии».

4

Распахнув утром окно в кабинете, первое, что она увидела – знакомый силуэт: неторопливо и разочарованно (каким бы нелепым не звучал этот эпитет для походки) он приближался к подъезду здания напротив. «Мне тоже жаль, что я сегодня ранняя пташка», – тихо произнесла она в открытое окно. Как оказалось, в здании напротив он и работал. Она не знала, где точно, потому что арендаторов, а значит, и офисов было очень много, и удивилась такому открытию: не раз она посещала различные фирмы, с завидной регулярностью покупала сладости в кафе, но с ним никогда не пересекалась.

«…в определенном месте в определенное время…», – странный отрывок фразы неотступно крутился в её голове. И странный выдался день – как только она подходила к окну, на улице появлялся он. И она стала странная: рассеянно – мечтательная, плавно парящая над землей на крыльях влюбленности? Она задавалась этим вопросом не раз за последние несколько дней. Что с ней? Почему обычная встреча внесла коррективы в её настроение, поведение, даже в её мечты? И всё выглядело на первый взгляд не так уж «тревожно», если бы не пропавший аппетит и эти крылья.

Крылья не давали ей спать, вовлекая её в состояние предвкушения чего-то давно ожидаемого, они уносили её из при-

вычного мира в некое измерение душевного трепета. Крылья, которые – вдруг выросли (или раскрылись?) от первого прикосновения его руки.

Следующее утро столкнуло их на пустынной остановке, обычно многолюдной в это время. Оба открыто улыбнулись друг другу и поздоровались. Пара мгновений… и он начал разговор. Минут через пять, всё также не глядя друг на друга, они устроились на задней площадке автобуса.

Теперь он не спускал с неё глаз, стоя напротив. Она смущалась и беспорядочно бродила взглядом по нему. Стараясь держаться непринужденно, они без умолку говорили. Это и выдавало их крайнюю возбужденность от происходящего. Они говорили о погоде, транспорте, «пробках», несговорчивых клиентах, пользе пеших прогулок и ещё о чем-то, как будто хотели вместить в двенадцать минут поездки четверть жизни. «Какого цвета его глаза?», – гадала она. Стекла его очков стали темными на солнце и не давали ей возможности определить это. «Рассматривает меня», – настойчиво сигналило в её голове, а она продолжала запоминать движения его губ, родинку на шее, грудь в распахнутой рубашке. Сохранять невозмутимость ей давалось с трудом.

– Странно всё это.
– Немного.
– Чувства прилив.
– Не опасно.

– Взгляд…
– …твои губы потрогал.
– В мыслях – с тобой.
– Я согласна.

***

«Банально влюбилась? Она же его совсем не знает. Даже имени», – иронично резюмируете?

…А крылья – есть.

5

Как может взгляда тоненькая нить,
мгновенное прикосновение,
в кратчайший срок – соединить?
Друг другу открывая сокровенное,
возможно ль втайне от Вселенной сохранить
взаимное, закономерное
желание чуть ближе быть?
Решаем мы не первые, наверное,
тот ребус про «помиловать нельзя казнить»?
…Мне ожиданье встреч – почти безвременье…
Ассоциируя «магическое чувство»
со словом «жить»,
я «падаю в любовь». Ни более, ни менее.

Он снился ей каждую ночь: отрывками, заставляя просыпаться от накатывающего на неё чувства соединённости с ним. Особенно его глаза. Она пыталась описать свои ощущения в тот момент, когда посмотрела ему в глаза, объяснить себе, что было в том взгляде. «Нет, не праздное любопытство попутчика. Не банальный интерес мужчины к женщине. Не стремление к приятельскому общению. Тогда – что?!! Как один взгляд может вместить в себя СТОЛЬКО!??», – она мучилась в поиске ответа на этот, по её мне-

нию, бесконечно сложный вопрос не первый день.

…Он смотрел так, как будто неожиданно для себя открыл как раз ту самую дверь, за которой были ответы на многие вопросы. Так, как будто хотел постигнуть её всю целиком – не узнать, а именно постигнуть. Он жадно пил её – женщину, оказавшуюся внезапно рядом.

Она опять и опять возвращалась в эти мгновения.

Она знала – его глаза… звали.

Но уже шестой день они не встречались. И противоречивые чувства «разрывали» её. С одной стороны, она жаждала видеть его: каждое утро и каждый вечер пульс её гулко и часто колотился, вздымая вены на висках. Казалось, что рядом стоящие люди могли слышать удары взволнованного сердца. Спускаясь в метро и поднимаясь на остановку, она почти теряла контроль над собой – «взрыв» адреналина заливал её щеки румянцем, добавлял блеска глазам и неадекватности её поведению. Она всегда легко «выхватывала» его взглядом и раньше, а теперь… она ещё и подсознательно чувствовала его.

С другой стороны, она хотела стать как можно более незаметной, стесняясь своего неодолимого влечения к нему и появившейся явной зависимости от его существования. Она ездила на разных электричках – то чуть раньше, то позже, стараясь занять место так, чтобы затеряться в пассажирском потоке; пыталась дремать с закрытыми глазами или «гулять»

по интернету со смартфона, лишь бы не искать его глазами, перешла на спокойный деним, чтобы не обращать на себя внимания окружающих эпатажными деталями гардероба стиля hand-made.

А ещё… она совершенно не понимала, как себя дальше вести.

Взрослая, самостоятельная женщина мучилась в догадках, томилась в ожидании неизвестности, терзалась сомненьями и представляла собой юную пугливую девочку.

***

«Это логичное окончание их так называемого «романа», – отрежете?

Вы, видимо, не романтик? Нет? Заметно. Попробуйте хоть раз выйти за рамки материального мира. «Браки заключаются на Небесах» – слышали про такое?

6

«И они говорят, что женщины – совершенно непредсказуемые и загадочные существа!» – сетовала она на мужскую половину человечества. «Да мы, как открыта книга – определи нужный язык и читай… в крайнем случае – можно воспользоваться словарём», – она любовно протерла англо-русский словарь и улыбнулась: чувство юмора не покидало её почти никогда. В выходные она решила занять себя чем-то деятельным, на глаза попался стеллаж с книгами, который она и перебирала.

Ей было немного странно, что они уже так долго не встречаются – ни утром, ни вечером. Пожалуй… да нет же, определенно! – она тосковала по нему. Настолько красивого мужчину она встретила впервые: правильные черты лица, чувственные губы и родинка на шее – на том же месте, как у неё, чуть левее впадинки. Пружинистая походка, роскошные плечи и грудь под тонким полупрозрачным батистом не давали ей покоя: «Наверняка занимается спортом… волейболом? Вело? Плаванием?» Просыпалась каждое утро и говорила: «Вот как раз сегодня…» И искала его в вестибюле метро, в электричке, на остановке…

Мир наших взлётов – словно помешательство:
неся печать скупой эпизодичности,

он пресекает косность обязательств и
приумножает там, где проще вычесть бы.

Строки начали рождаться сами собой. Она всегда теперь держала под рукой блокнот и ручку, чтобы записывать их. И в дорогу с собой брала.

«Избранное. А. П. Чехов» перекочевала с одной полки на другую. Как там у него? «Когда у тебя в кармане загораются спички, то радуйся и благодари небо, что у тебя в кармане не пороховой погреб».

«Ну да, он есть, существует, мы встретились, и ещё не раз будем встречаться, я влюблена – всё замечательно и жизнь прекрасна», – она задумчиво помяла влажную салфетку в руках и продолжила уборку.

«О, нашлась», – из-за массивных томов Малой советской энциклопедии она достала нотную тетрадь со школьными сочинениями. Уже неделю, как она пыталась вспомнить, куда же её положила. Волнение от происходящего с ней, невысказанность желаний и томление души она пыталась вылить на фортепиано: Бетховен, Чайковский, фуги Баха. Но ближе всего ей стали в этот период мятежные произведения Рахманинова. Правда, после продолжительного перерыва, инструмент не сразу поддавался, но она проявляла завидную усидчивость, разбирая сложные пассажи. Часа полтора таких упражнений и регулярное посещение тренажерного зала спасали её от постоянных мыслей о нём.

Немного спасали.

Совсем чуть-чуть.

Она подошла к пианино, присела на стул и открыла нотную тетрадь: несколько небольших пьесок, пара песен на свои стихи, ещё пара – на чужие, и её гордость – то ли прелюдия, то ли ноктюрн под названием «Воспоминания о прошлом». Сейчас ей умильно было читать эти нотки, написанные рукой десятиклассницы. Прошлое… какое у неё там было прошлое? Подняв крышку, она коснулась клавиш, и глубокий звук «W. Hoffmann» наполнил квартиру её мыслями, мечтами, желаниями. Все мельчайшие детали их коротких свиданий выстроились в непродолжительную киноленту – почти немой фильм о прикосновении рук, взглядов, чувств…

И снова жажда твоего присутствия,
пусть молчаливого и скоротечного,
накрыла полностью – теперь отпустит ли,
бескомпромиссностью лаская плечи мне?

***

Молчите? Ну и не говорите сегодня ничего. Дайте ей вволю помечтать. Думаю, вам не часто удается заглянуть… так глубоко?

7

Утро выдалось пасмурное, но очень теплое. Она шла привычным маршрутом до станции метро. Звук в новых наушниках был отменным.

«Судьба нам приоткрыла к счастью двери, и наши чувства стали нам наградой. Давай друг другу будем просто верить, давай, друг с другом будем просто рядом», – тихонько вторила она плееру. Часто слушая эту песню по дороге на работу, она знала слова наизусть.

Прошло почти две недели, как они не виделись. Состав подъехал к следующей станции, и она, сквозь непривычное для этого времени скопление пассажиров, сразу увидела его, стоящего ещё у закрытой двери вагона. Он искал её глазами. «Он ждал! Он хотел меня увидеть!» – её сердце бешено колотилось. Не отрывая взгляда друг от друга, они медленно шли навстречу.

«Доброе утро», – наконец – то, последние дни это стало навязчивой идеей.

«Доброе утро», – его голос окутал её, приласкал и ещё больше взволновал. Сердце стучало где – то в горле, в голове, в спутавшихся мыслях.

Они проехали всю ветку метро молча, стоя рядом, как будто оба пребывали в тихом замешательстве… или – помешательстве. Она скользила взглядом по его фигуре, от чер-

ных спортивных туфлей до губ. Так как он был примерно на пол – головы выше неё, она не решилась сегодня взглянуть на него… так близко. Зная свою повышенную эмоциональность, она предполагала, что её взгляд откроет ему всю гамму чувств, которые она в данный момент испытывает. Она гладила его взглядом – неторопливо, с трепетным обожанием, удивляясь сама себе, перебирая пальцами по прохладному поручню. Улавливая запах его тела, она отгоняла от себя соблазн ещё и ещё заглянуть в глубоко распахнутый ворот его рубашки и полюбоваться ровным загаром матовой кожи его груди. Она слышала, как сбилось его дыхание и, от возникшей в голове картины, сильнее сжала поручень: «А что чувствует сейчас он?» Поток воздуха заиграл в светлом батисте его рубашки и обнажил аккуратные соски. «Он тоже… взволнован», – отметила она, улыбнулась и прикрыла глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.